

— Удивлены? — это наглое лицо приблизилось ещё ближе.

Гу Шаобай, стараясь не вывихнуть челюсть, слегка приоткрыл рот и задержал его в таком положении, чтобы показать ещё большее удивление.

— Вы — князь И?

Му Цинфэн с улыбкой кивнул, явно наслаждаясь этим спектаклем!

Удар Му Цинфэна пришёлся не вовремя. Гу Шаобай был слегка пьян, и его мозг работал медленнее обычного.

Он внутренне ругал Му Цинфэна, предполагая, что тот следил за ним, и, немного подумав, решил довести игру до конца. Он опустил на колени, хотя и неохотно, и склонил голову:

— Ваше высочество, простите мою недальновидность. Я был груб!

Му Цинфэн не собирался его поднимать. Вместо этого он, раздвинув полы одежды, спокойно сел на скамью и, выждав паузу, произнёс:

— Подними голову.

Гу Шаобай стиснул зубы, но вынужден был подчиниться.

Му Цинфэн, с трудом сдерживая смех, наклонился к нему:

— Расскажи, чем ты был груб с этим князем?

Эта поза была крайне угрожающей. Гу Шаобай слегка отодвинул колени назад, пытаясь придумать подходящие слова, но в итоге ничего не сказал. Вся его коробка с вежливыми фразами вдруг опустела.

Наконец, настал день, когда их истинные личности открылись друг другу. Он был Му Цинфэн, он был Гу Шаобай, и больше никто. Пропасть между ними оставалась непреодолимой, разделяя любовь и ненависть, жизнь и смерть, а также надежду...

Му Цинфэн, конечно, не мог прочесть мысли Гу Шаобая. Он всё ещё улыбался, насмешливо спрашивая:

— Может быть, потому что сравнил меня с жабой...

В лунном свете лицо Гу Шаобая казалось бледным и прозрачным, словно лучи луны проходили сквозь него. Лёгкое опьянение исчезло, и теперь его разум был ясен. Он быстро соображал: если Му Цинфэн признал себя, то, вероятно, не станет использовать грязные методы против семьи Гу. Заговор превратился в открытую игру, но у него была защитная грамота, и он не боялся новых уловок. Ведь князь не станет нарушать своё слово, правда?

Му Цинфэн и понятия не имел, что мысли Гу Шаобая были далеки от его ожиданий. Не увидев ожидаемого смущения, он почувствовал разочарование.

Когда Гу Шаобай долго не отвечал, он намеренно сделал лицо серьёзным и строго спросил:

— Князь задаёт вопрос, а ты игнорируешь его. Что это значит? Может, ты презираешь этого князя?

Гу Шаобай вздрогнул от резкого тона и сразу же отреагировал, поклонившись:

— Нет, нет... Ваше высочество, я виноват. Эта картина на самом деле была моим автопортретом...

Гу Шаобай был готов дать себе пощёчину, чувствуя, что перед властью все его принципы, гордость и достоинство превратились в размякшую лапшу, которую невозможно поднять.

Му Цинфэн с трудом сдерживал смех, его живот уже болел. Он фыркнул:

— Хм, продолжай.

Гу Шаобай, глядя на сапоги с серебряной вышивкой, стиснул зубы и начал унижать себя:

— Эта картина была намёком на мою ограниченность и недалёковидность. Господин Чжоу Фэн, с его выдающейся внешностью и божественной красотой, в «Фаньюань» я не смог распознать в нём князя...

Му Цинфэн, казалось, был доволен этим объяснением, и его тон смягчился:

— Сегодня я наконец оценил красноречие господина Гу Шаобая. Однако... это звучит правдоподобно. Подними голову...

Гу Шаобаю было больно стоять на коленях, и он слегка сместил вес. Это движение не ускользнуло от Му Цинфэна, и ему стало жаль парня. Но его лицо, такое невинное и в то же время загадочное, раздражало его. Видя, что Гу Шаобай страдает, он почувствовал удовлетворение. Он решил не помогать ему, чтобы преподать урок. Ведь если не наказать, он так и будет думать, что Будда не видит, что он — шестиухий макак!

— Вернись и передай отцу, чтобы завтра зашёл ко мне. У меня есть дело, которое я хочу обсудить, — сказал Му Цинфэн.

В этот момент издали послышались лёгкие шаги. Чжоу Пин, неся плащ, подошёл:

— Ваше высочество, ночью холодно, наденьте что-нибудь.

Му Цинфэн взглянул на дрожащего Гу Шаобая, вспомнив, что тот недавно был тяжело ранен, и не знал, выздоровел ли он. Он почувствовал лёгкое раскаяние за то, что заставил его так долго стоять на коленях.

Он кивнул Чжоу Пину:

— Отдай ему.

Чжоу Пин протянул плащ Гу Шаобаю, но тот решительно отказался, слегка холодно ответив:

— Ваше высочество, я недостоин такой милости. Если вы простудитесь, это будет моей виной.

Сумерки идеально скрыли глубокий взгляд Му Цинфэна. Он без стеснения смотрел на Гу Шаобая, чьи опущенные веки позволяли видеть лишь проблески света сквозь густые ресницы, словно сверкающие драгоценные камни. Но этот свет был скрыт лёгкой завесой, достаточно тонкой, чтобы скрыть его мысли.

Его слегка наклонённая шея, изящный профиль, очерченный лунным светом, создавали

идеальный силуэт, словно картина, нарисованная серебряной пылью на чёрном фоне, с оттенком таинственности.

Му Цинфэн спокойно сказал:

— Встань, поговорим.

Гу Шаобаю было холодно, его колени онемели. Он упёрся одной рукой в каменную скамью и попытался подняться, но, простояв на коленях слишком долго, его ноги не слушались. В результате он снова упал на каменный пол.

Этот удар был болезненным, и он скривился от боли. Этот звук, казалось, также ударил по сердцу Му Цинфэна, который непроизвольно протянул руки, чтобы поддержать Гу Шаобая и усадить его на скамью.

Гу Шаобай, опираясь на край каменного стола, незаметно отстранил руки Му Цинфэна и бледно произнёс:

— Благодарю ваше высочество, я был невежлив.

Му Цинфэн был на грани срыва от его холодной вежливости, когда Гу Шаобай спросил:

— Не могли бы вы, ваше высочество, заранее сообщить, что вы хотите от моего отца...

— Ваше высочество, ваше высочество... Ты уже надоел, неужели нельзя сказать что-то другое? Мне это неприятно... — голос Му Цинфэна внезапно повысился, и он с раздражением прервал его.

Гу Шаобай опешил, затем спросил:

— Как же мне, ваше высочество, следует обращаться к вам?

Му Цинфэн холодно ответил:

— Говори «я».

— Но... это неуважение...

Му Цинфэн чуть не подпрыгнул:

— Почему тебе так трудно слушаться?

Гу Шаобай сразу же ответил без церемоний:

— Хорошо, тогда скажите, что именно вы хотите от моего отца завтра?

Теперь это звучало лучше. Му Цинфэн улыбнулся:

— Угадай?

Гу Шаобай подумал, что ничего хорошего не будет:

— Ваше высочество, простите мою глупость!

— Конечно, хорошее! — Му Цинфэн сделал вид, что это секрет.

Гу Шаобай скептически усмехнулся и выпалил:

— Не говорите, что хотите дать моей семье привилегию на закупку зерна для северной армии.

Му Цинфэн удивился. Он только перед отъездом услышал об этом на совещании в Министерстве финансов. Вспомнив, что зерно для помощи пострадавшим было украдено в уезде Хоян, а в крепости Феникса, хотя и были найдены деньги, украденные Гэ Чуньхуэем, судьба зерна оставалась неизвестной.

Поэтому по дороге из городка Ухуа в Мобэй он придумал план: использовать перевозку зерна на север как приманку, чтобы выманить преступников.

— Семья Гу действительно хорошо информирована, — с интересом посмотрел на него Му Цинфэн. — Именно это я и планирую!

— Нет, — Гу Шаобай, поражённый, забыл, что противоречит князю, обладающему властью жизни и смерти.

Лицо Му Цинфэна сразу же стало холодным. Он хотел сделать одолжение семье Гу, используя их как приманку, но без реальной опасности. Когда преступники будут пойманы, семья Гу получит заслуги, что принесёт им пользу в будущих делах с государством.

Но Гу Шаобай не только не оценил это, но и категорически отказался!

Наконец, голос Му Цинфэна прозвучал в ночи, и та небольшая мягкость, что была в нём, замерзла:

— Что ты сказал?

Гу Шаобай понял, что слова уже не вернуть. Он внутренне ругал себя, желая вернуть всё назад.

Он снова опустился на колени, думая, что удача покинула его, оставив лишь неудачи.

Холод каменного пола проникал через колени во всё его тело. Он чувствовал себя слабым, одной рукой придерживая живот, чтобы сохранить тепло. Он даже не мог стоять на коленях, поэтому сел на пятки.

— Ваше высочество...

<http://bllate.org/book/16730/1538777>